

12. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 400 с.

13. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.

14. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 68-92.

15. Толстов С.И. Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник статей под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 44-63.

16. Толстов С.И. Крестьянство как самовывживание и самовыражение в современном сибирском селе // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 63-71. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-05-pdf>

17. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 408 с.

18. Peasants and peasant societies: Sel. readings / Ed. by Teodor Shanin. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 448 p.

УДК 8Р2(092)

С.В. Любичанковский*

**ИСТОРИЯ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1960-1980-Х ГГ.
НА ПРИМЕРЕ СОВМЕСТНОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
В.А. ДЬЯКОВА И Л.Н. БОЛЬШАКОВА**

В статье реконструирована история неудачного издательского проекта советских ученых В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова, относящаяся к периоду 1960–1980-х гг. На ее основе обозначены особенности издательского процесса поздней советской эпохи и особенности повседневной профессиональной коммуникации ученых тех лет.

Ключевые слова: Л.Н. Большаков; В.А. Дьяков; профессиональная коммуникация; издательский процесс; история повседневности.

---

* © Любичанковский Сергей Валентинович (svlubich@yandex.ru), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет.

В настоящей статье речь пойдет о так и не увидевшей свет книге, написанной двумя известными учеными – Владимиром Анатольевичем Дьяковым¹ и Леонидом Наумовичем Большаковым² «Лев Толстой. Над страницами истории». В настоящее время рукопись, точнее, машинопись несостоявшегося издания хранится в личном архивном фонде Л.Н. Большакова в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) вместе с рабочими материалами: машинописями авторского варианта рассказа Л.Н. Толстого «За что» [5] и статьи В.А. Дьякова с его авторскими пометками «О творческой истории рассказа Л.Н. Толстого “Хаджи-Мурат”» [6].

На наш взгляд, история этого неосуществленного замысла дает представление об особенностях издательского процесса и добавляет выразительные штрихи к истории повседневности научных работников советской эпохи [7].

Реконструировать весь процесс работы над этой книгой позволяют имеющиеся в нашем распоряжении письма В.А. Дьякова и дневниковые записи Л.Н. Большакова [8].

Сразу скажем: 176 писем от В.А. Дьякова, первое из которых датировано апрелем 1967, а последние – июлем 1994 г., могут рассказать о многом. Корреспонденты делились творческими планами, рассказывали о командировках и путешествиях, семейных событиях и др.

И хотя к началу переписки Владимир Анатольевич был уже известным ученым, автором нескольких книг и заведовал сектором в институте Российской истории РАН, а Леонид Наумович стоял в начале своей научной деятельности, – только готовился к защите кандидатской диссертации и сдал в издательство первую свою книгу «По следам Оренбургской зимы», – письма убеждают, что корреспонденты общаются дружески и на равных. Так, автор письма, вместе с традиционными пожеланиями «весеннего настроения, здоровья и успехов» делится своими планами («Я весь ушел в Сцегенного»), сообщает о разговоре с Г. Аршем по поводу найденной

---

¹ Дьяков Владимир Анатольевич (1919-1995) – российский историк, доктор исторических наук, зарубежный член Польской Академии наук.

² Большаков Леонид Наумович (1924-2004) – ученый и писатель, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко.

Большаковым рукописи о гетеристах³, сообщает его адрес, сетует на то, что «не удалось повидаться» и т.д. Из другого письма (от 12 января 1968 г.) ясно, что Большаков посылал другу какие-то книги и списки польских повстанцев: «Книги с удовольствием прочитал, из библиографии почерпнул нужные сведения и в ближайшее время ими воспользуюсь, чтобы разыскать то, что относится к Шевченко. В списке есть кое-что интересное для меня; сделал выписки и через некоторое время верну Вам список». В письме от 25 декабря 1968 г. читаем: «Спасибо за выписку о Гербуте, надеюсь со временем она мне пригодится».

Сейчас, наверно, сложно даже представить, что выписки надо было переписывать от руки или присылать целиком книгу, а потом ждать ее обратно. Однако ксерокса, а тем более сканера не было.

О дружеском расположении друг к другу свидетельствуют строки из письма Дьякова от 12 июня 1969 г., в котором он поздравляет Большакова с приемом в Союз писателей СССР: «Приятно получить весточку от Вас, да еще с хорошими (как теперь модно говорить) вестями. Звание “ихнего союза члена” — вещь весьма почетная. Я говорю это без иронии, т.к. до войны это звание было моей самой розовой мечтой. После войны я стал намного более взрослым и решил начать с достижения каких-то устойчивых позиций в науке, чтобы потом вернуться к юношеской мечте. Но пока совершался обходной маневр, я стал настолько немечтательным, что уже не знаю, стоит ли возвращаться к старым планам?!»

Поначалу, очевидно, Дьякова и Большакова сблизил общий интерес к личностям из окружения Т.Г. Шевченко. Не случайно в вышедшую в 1997 г. Оренбургскую Шевченковскую энциклопедию включена справочная статья о В.А. Дьякове, в которой перечислены труды, посвященные этой теме [3]. Еще более укрепил дружбу ученых интерес к творчеству Л.Н. Толстого.

В 1964 году в Челябинске вышла небольшая книжечка Л.Н. Большакова «Лев Толстой» [2], в которую вошла повесть с интригующим названием «Дело № 11604». Это архивное дело «О скрывшемся из Уральска рядовом 1-го линейного Оренбургского батальона из поляков Винцентии Мигурском, оставившем г. полковнику

---

³ Речь идет о найденной Л.Н. Большаковым рукописной книге «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств».

Кожевникову письмо, в котором объявил намерение утопиться, о поимке Мигурского и производстве по высочайшему повелению следствия», которое автор отыскал в оренбургском архиве [4] и был поражен, насколько точно содержащиеся в деле документы соответствуют сюжету знаменитого рассказа Л.Н. Толстого «За что?».

Небольшая повесть не осталась незамеченной в Польше: автор был удостоен золотого «Знака чести» Общества польско-советской дружбы и приглашен в Польшу. А из писем восьмидесятых годов узнаем о совместной работе ученых над значительно дополненной новыми материалами о судьбах Винцентия и Альбины Мигурских книгой, вышедшей в 1984 г. на польском языке [1].

Как явствует из писем, в 1976 г. редколлегия серии «Научно-популярная литература» АН СССР предложила ученым подготовить солидную книгу «Толстой и история».

В письме от 29 октября 1976 г. В.А. Дьяков пишет, что изложил программу-минимум будущей книги в издательстве и ее признали приемлемой: «дать по три листа на основе “Войны и мира” и “Хаджи-Мурата”, еще три листа — на “Мигурских”, а остальное (два листа)⁴, — обобщающе-теоретический материал, сгруппированный во введении, заключении и 1-3 самостоятельных разделах сверх того».

В письме Владимир Анатольевич пишет, что главы о «Хаджи Мурате» и «Войне и мире» он берет на себя, а «то, что сверх этого — надежда на Вас; в отношении “За что?” абсолютная (в смысле полная), в отношении остального — частичная; там и я мог бы принять участие».

Вместе с заявкой в издательство «Наука» было отправлено и рекомендательное письмо Д.С. Лихачева. Интересно, что в архиве Леонида Наумовича сохранился переписанный Дьяковым текст этого письма, адресованного «в редколлегию серии “Научно-популярная литература” АН СССР, Ученому секретарю серии к.и.н. В.А. Боярскому». Приводим письмо с некоторыми сокращениями:

«Дорогой Владимир Ананьевич! Я давно уже говорил Вам, что я обеспокоен тем, что у нас нет книг по основным русским классикам, хорошо написанных, широких по охвату материала. У нас нет

---

⁴ Объем изданий было принято считать в печатных листах. 1 печ. лист был равен 24 страницам машинописи. — С.Л.

в серии книг о Льве Толстом, о Тургеневе, о Достоевском, о Горьком и т.д. ...

В 1978 г. 150 лет со дня рождения Л.Толстого, и я с особой радостью препровождаю Вам заявку В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова на книгу о Толстом. Надо только подумать над названием книги. Название может быть понято различно. Содержание книги меня вполне удовлетворяет.

О Достоевском надо бы заказать книгу молодой и талантливой исследовательнице к.ф.н. В.Е. Ветловской (ИРЛ АН СССР), о Тургеневе попытайтесь заказать д.ф.н. Григорию Абрамовичу Бялому (ЛГУ), о Пушкине (книга Б.С. Мейлаха, изданная у нас, скучновата) — д.ф.н. Эрастовичу Вацуру (ИРЛ) (склероз, вдруг забыл имя). Это талантливые люди.

О книге В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова я не сомневаюсь, что вы ее примете, но все же известите меня о решении редколлегии.

Лелею мечту дать в серию одну книгу, но боюсь загадывать: напишу и тогда пришлю рукопись (на тему “Добрые люди советской науки” — о небольших ученых и больших).

Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступающим Новым годом. Будьте счастливы. Искренне Ваш Д. Лихачев. 3.XII.76».

Однако, как показало время, даже столь мощная поддержка процесс издания не ускорила, и он растянулся на годы.

Приведем короткие выдержки из писем, составившие своеобразную хронику:

1977 год. 19 февраля: «Боярский болеет, без него ничего не мог узнать... Удалось получить подпись акад. Черепнина... в поддержку замысла и с выражением уверенности, что авторы подходящие. Текст пока держу у себя и подключу к проспекту, когда пойдет движение».

26 февраля: «Дуплет заявки и одобрительное письмо академика Черепнина отвез в РИСО (редакционно-издательский совет — С.Л.) “местоблюстителнице” Боярского. Искать первичную заявку и письмо Лихачева в бумагах Боярского она не решилась, а он все еще болен... Редколлегия должна быть, как только он появится».

2 апреля: «...Вышел на работу Боярский... Листая папки, он не обнаружил наших заявок... Говорил доброжелательно, но вполне неопределенно, обещал поискать бумаги и представить их редколлегии, которая должна заседать в апреле... Решил прибегнуть к помощи почты и 1) послал в его адрес еще один экземпляр заявки

вместе с копиями писем двух академиков. 2) написал Д.С. Лихачеву письмо с просьбой побудировать Боярского в духе его декабрьского отклика на нашу заявку...»

20 мая: «Вчера удостоился личной встречи с В.А. Боярским... Он вроде бы помнил, о чем речь, и заявил, что, кажется, все в порядке. Однако протокол где-то на оформлении...»

Пришел почти год. За это время издательство требовало отзыв на рукопись, причем за авторством не просто историка, но толстоведа. Отправили просьбу об отзыве на рукопись автору многих исследовательских книг о Л.Н. Толстом К. Ломунову.

1978 год. 19 апреля: «...Позвонили из издательства, что отзыв получен, в общем даже “теплый”, но конкретных замечаний и пожеланий много. Редакция ожидает доработанную рукопись в конце года...»

23 июля: «...“Толстого” вставляют в план редподготовки 1979 г. и в связи с этим встал вопрос об ответственном редакторе. Я предложил М.В. Нечкину, надеясь, что она не откажет...»

21 августа: «...по рецензии Ломунова все необходимое (по моему разумению) сделал. Пришлось перепечатывать страниц 35-40, много мелкой правки. Завтра два экземпляра в доработанном виде отвожу в издательство. В прошлый четверг говорил с ведущей наше дело Ниной Викторовной. Она обещала начать оформление договора».

1979 год. 15 апреля: «...Роман с “Наукой” не развивается. В научно-популярной редакции, по словам Нины Викторовны, все уперлось в рецензента-историка. Она, по моей подсказке, называет фамилии, а начальство бракует, говоря, что нужен специалист по Толстому, а таковых среди историков нет. Сейчас придумали переложить выбор рецензента на Боярского. Юридически это вполне возможно, но вцепиться в него я еще не имел ни сил, ни времени».

21 июня: «С “Наукой” тянется мелкая возня со вторым рецензентом-историком».

28 июня: «...Поймал Боярского и сделал шагок с “Наукой”. Боярский подписал письмо на рецензирование Юлии Ивановне Герасимовой. Она обещает в июле сделать... P.S. Будет еще проблема с отв. редактором. Держу в запасе двух киевских членкоров — Шаблювского и Шевченко».

4 июля: «На рецензию отдал д.и.н. Юлии Ивановне Герасимовой из рукописного отдела ГБЛ (Государственной библиотеки им.

Ленина. — *С.Л.*). В редакторы же годятся люди с рангами, тут Шаблиовский более подходит».

2 сентября: «Отзыв Герасимовой на нашу рукопись уже дошел до редакции и сыграл свою роль. От Е.С. Шаблиовского я получил энтузиастичное согласие. Он рвется к работе, хотя пишет, что двигаться не может почти и весь день проводит за письменным столом... Редакция представляет нашу рукопись официально в план редподготовки 1980 г. Решаться дело должно в октябре».

12 декабря: «Безвременье в “Науке” (по части научно-популярной) продолжается. Редакцию ликвидировали, сотрудников еще не разогнали, но они ничего не делают и ничего знать не хотят».

Боярский подтвердил, что в план редподготовки 1980 г. книжка действительно включена. Но редколлегия рукопись не утверждала, а до этого Евгений Степанович (Шаблиовский. — *С.Л.*) в качестве отв. редактора не утвержден и официально послать ему рукопись невозможно... Буквально как в заколдованном месте, а перекрестить некого».

Среди конвертов от В.А. Дьякова лежал третий экземпляр письма, адресованного в Редакцию научно-популярных изданий Академии наук СССР и в отдел науки ЦК КПСС.

На трех машинописных страницах лаконично изложены все перипетии, связанные с изданием книги, о которых мы уже знаем из писем, и сообщается, что «в результате ликвидации редколлегии научно-популярной литературы издательства “Наука” рукопись три года лежала без движения в редакции литературоведения».

Однако вразумительного ответа на жалобу в высокие инстанции авторы не получили. И в 1982 г. В.А. Дьяков в своем письме фиксирует: «С “Наукой” контактов не имел. Появитесь — пойдем вместе». В письме от 13 апреля 1983 г. он сообщает, что «злополучная наша рукопись послана... в отделение лит-ры и языка к акад. Храпченко». Никакой информации о судьбе книги нет и в письмах 1983 г. Только в письме от 26 февраля 1984 года Дьяков цитирует строки старшего научного сотрудника РИСО АН Р.Н. Клейменово: «вопрос об издании монографии Л.Н. Большакова и В.А. Дьякова “Л.Н. Толстой и история” будет вторично рассмотрен на ближайшем заседании Редколлегии научно-популярной серии. О решении Редколлегии Вам будет сообщено дополнительно». «Не густо, но кое-что», — резюмирует автор письма.

В 1984 г. Л.Н. Большаков начал вести дневник, и на дневниковых страницах не только фиксировал содержание писем от

В.А. Дьякова, нередко даже цитируя отдельные строки, но и комментировал прочитанное.

Так, получив цитируемое выше письмо Дьякова от 26 февраля 1984 года, Л.Н. Большаков записывает в дневнике: «3 марта 1984 г.: Боюсь, что все наши (с Дьяковым) хлопоты окажутся напрасными. Уж ежели издатели заартачились...»

11 декабря 1984 г.: «Дьяков рассказывает о своих делах-планах, информирует о том, что “Лев Толстой и история” до сих пор не в редакции истории, а в литературоведческой... Медленно однако поспешают с решениями, точнее, с выполнением решений».

14 сентября 1985 г.: «Позвонил, не дождавшись ответа, Дьякову. ...Новостей издательских нет. Оттого и не писали».

15 октября 1985 г.: «...Дело пока не продвинулось, но надежды до конца не угасли — теплятся».

В том же году появилась идея передать рукопись в издательство «Современник»:

24 декабря 1985 г.: «Среди полученных поздравлений одно — от Дьякова — представляет и вполне деловой интерес: “Современник” вроде бы письмом уведомляет о том, что наша толстовская рукопись принимается. ...А я на эту затею уже и рукой махнул...»

8 января 1986 г.: «Вчера позвонил Дьяков. Порадовал сообщением о том, что в “Современнике” ждут рукопись объемом до 15 листов, она включается в план выпуска 1988 года; назначен редактор; договорились о высылке мне материалов, из которых я сформирую окончательный вариант для перепечатки в Москве».

12 января 1986 г.: «Прибыла бандероль от В.В. Дьякова. В ней рукопись под странным названием: “Лев Толстой в русской исторической беллетристике”. Мне казалось, что договорились о другом: “Лев Толстой и история”. Полистал: малоинтересно. Это для “Науки”, но не для “Современника”, хотя оттуда Дьяков и получил письмо: “Редакцию критики и литературоведения заинтересовала предложенная заявка на книгу ‘Лев Толстой в русской исторической беллетристике’. Вопрос о включении книги в план будет решаться после представления рукописи. Итак, ждем рукопись!”. Милый Владимир Анатольевич придает слишком большое значение означенному письму, в котором склонен видеть даже “документ, имеющий определенное (юридическое?) значение”. Он пообещал рукопись в сентябре и сетует на то, что в его делах “очередность из-за этого пойдет кувырком”. Предлагает дописывать главы (плодя сноски?) У меня идея иная: одна часть — “Дело Мигур-

ских”, вторая — “Толстой и история”, а по срокам — сделать в феврале, перепечатать — в марте, сдать в апреле, не позднее мая. Написал ему об этом».

14-15 февраля 1986 г.: «Читаю, готова к перепечатке для сдачи в “Современник” дьяковские страницы Толстого... Полсотни страниц за день поправил... Возникло новое название книги ““Когда я пишу историческое...” — Лев Толстой и история”. Это, пожалуй, лучше прежнего — и проще, и выразительнее...»

Интересна дневниковая запись, сделанная 23 февраля 1986 г. Автор дневника, размышляя над прочитанной книгой Татьяны Земсковой «Писатель в нашем доме», пишет, что она «сформулировала» в нем «отношение к понятию “беллетристика” в отношении Льва Толстого. Едва проснувшись, написал В.А. Дьякову открытку с просьбой напрочь убрать из второй части рукописи всякое употребление этого понятия применительно к Л.Н., а в рукописи для “Науки” оно было в заголовке и во всей ткани...»

В том же 1986 г., на итоговой странице дневника за февраль читаем: «Работал над рукописью “Когда я пишу историческое... (Лев Толстой и история)” — нашим с Дьяковым совместным трудом. Перелопатил его основательно, поубавив наукообразия, сделал читабельнее... В рукописи 15 листов. Хочется надеяться, что коль скоро “Современник” заинтересовался ею в прежнем виде, то в новом “схватит обеими руками”...»

15 марта 1986 г.: «Письмо от В.А. Дьякова: “Последние две недели прошли у меня главным образом под знаком Л.Н. Толстого”. Констатировав, что я “хорошо поработал над рукописью”, сообщает о своем вкладе в ее совершенствование, наконец, о быстрой перепечатке, которая может быть закончена к 20 марта».

1 сентября 1986 г.: «от Дьякова: “Современник” отказался от нашего “Толстого” (основываясь на рецензии Л.Д. Опульской). “Для моих нервов это удар нокаутирующий”, — пишет В.А. Конечно, эти самые “Современники” — безответственные люди...»

Однако дневниковые записи свидетельствуют, что Владимир Анатольевич от своей цели не отказался.

9 января 1987 г.: «Феноменальную настойчивость проявляет В.А. Дьяков: прислал мне копию письма по поводу книги “Лев Толстой и история”, адресованную новому руководству новой редколлегии научно-популярной литературы издательства “Наука”. Редколлегия, по его словам, в “приличном составе”... Посему “да здравствует ‘Наука’ и будь проклят ‘Современник!’” Ничего против я не

имею, но и не обольщаюсь. Получится — хорошо, не получится — быть по сему».

В дневниковой записи от 3 мая 1987 г. зафиксировано сообщение Дьякова о поддержке книги о Толстом редакцией научно-популярной серии по истории, в связи с чем автор дневника размышляет: «теперь заявка в РИСО — опять все сначала, но... путь один...»

28 июля 1987 г.: «Пришло письмо от В.А. Дьякова. Воюет за издательские идеи; натывается на нелепейшие препоны, вынужден тратить силы на их преодоление, жаловаться и т.п. Насчет “Толстого и истории” пишет, что “научно-популярная серия в ‘Науке’ наше предложение запротоколировала, после отпусков буду выяснять, как со сдачей рукописи”. Все “по новой”?! “Ее придется ‘актуализировать’ в смысле учета новой литературы, думать о рецензентах, редакторе и т.п.” Боже, какая бюрократическая чехарда! Если что и получится, то годы спустя. Ну и темпы...»

15 сентября 1987 г.: «С нашим “Толстым” дела не клеятся. Он продолжает “бомбардировать”».

2 января 1988 г.: «... Дьяков пишет, “госпожа ‘Наука’ пока не одарила нас своей благосклонностью”: редколлегия предложение приняла, но это никак и ничем не связывает издательство, т. б., что оно перешло на самокупаемость.... В реальность альянса с “Наукой” не верю...»

В 90-е годы надежда на издание книги рухнула, однако переписка продолжалась. Последнее письмо от Владимира Анатольевича пришло в апреле 1995 г. В нем было согласие участвовать в создании биографической энциклопедии... Но 2 декабря 1995 г. запись начинается горькими строками: «Умер Дьяков!.. Письмо Беллы Борисовны (жены. — С.Л.) полоснуло по самому сердцу. Как только извлек из почтового ящика конверт, надписанный не В.А., почувствовал: в нем нечто страшное. Оказалось, самое страшное. Мы виделись 3 ноября, утром 5-го его увезли в больницу, а в ночь на 16-е он скончался. 20.XI. В.А. похоронили. Лечили не от того, в результате острый инфаркт. Великого ученого и прекраснейшего человека прошляпили, проиграли, свели в могилу. И исчезла тягостная для него необходимость в комиссиях по причислению к инвалидам ВОВ (при двух тяжелых ранениях!), исчезло удовольствие вспоминать на бумаге (мемуары останутся ненаписанными), исчезли тревоги (его, а не наши) за удивительнейшие каталоги-папки.... Долго не мог придти в себя... Нашей дружбе было 25 лет. “Мы с Володей очень любили и уважали Вас...” Ох!..»

В дневнике последующих лет зафиксировано и получение писем, и несколько встреч с Беллой Борисовной Дьяковой. А в июле 1997 г. она прислала Леониду Наумовичу подготовленную к печати, но так и не состоявшуюся книгу Л. Большакова и В. Дьякова «Лев Толстой. Над страницами истории». Размышляя над полученной рукописью, Большаков записал: «...представляется книга из двух равноценных частей: историческая проза Льва Толстого, 2) Герои Л.Н. Толстого в жизни и искусстве. Двадцать листов с возможными иллюстрациями. Попрошу Дьякову о некоторых дополнительных материалах из наших рукописей, в т.ч. и возможных иллюстрациях. Об этом пишу». Через несколько дней автор дневника записал, что вручил наборщице полную машинопись «Льва Толстого», включая посвящение ее Дьякову.

Описанный сюжет, на наш взгляд, – выразительный штрих, относящийся к истории повседневности. Однако, рассказав о рукописи, так и не ставшей книгой, хочется надеяться, что хранящиеся в архивном фонде папки когда-нибудь окажутся в поле зрения заинтересованных исследователей и замысел ученых будет осуществлен.

Библиографический список

1. Большаков Л.Н., Дьяков В.А. Дело Мигурских. Краков; Вроцлав, 1984. 249 с. На польск. яз.
2. Большаков Л.Н. Лев Толстой: Поиски и находки. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1964. 104 с.
3. Большаков Л.Н. Оренбургская Шевченковская Энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: энцикл. одиннадцати лет 1847-1858 / Обществ. фонд «Будущее Отечества им. В. П. Поляничко». Оренбург: ДиМур, 1997. 511 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6. Оп.5-6. Д.11604.
5. ГАОО. Ф 2919. Оп.1. Д.28.
6. ГАОО. Ф.2919. Оп.3. Д.30.
7. Любичанковский С.В. Леонид Большаков: о времени и о себе. Повседневность интеллигента поздней советской эпохи сквозь призму дневника и личной переписки [Электронный ресурс]: монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 178 с.
8. Семейный архив Т.Л. Большаковой.